

Александр Бараш
**Экология
Иерусалима**

*Избранные
переводы
современной
израильской
поэзии*

Коллектив авторов
Экология Иерусалима.
Избранные переводы
современной
израильской поэзии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27051981

Экология Иерусалима. Избранные переводы современной израильской поэзии:

ISBN 978-5-91627-076-1

Аннотация

В книге представлены избранные переводы классиков израильской поэзии второй половины 20-го века Дана Пагиса, Иегуды Амихая, Ионы Волах, лидеров поэзии на иврите сегодняшнего дня Натана Заха, Меира Визельтира, Майи Бежерано. Известный русский поэт Александр Бараш, живущий в Иерусалиме больше двадцати лет, составил эту небольшую антологию из своих переводов и эссе, печатавшихся на протяжении ряда лет в периодике: журналах «Иностранная литература», «НЛО», «Интерпоэзия», «Text-Only» и др. Книга названа по одноименному стихотворению Иегуды Амихая. Как пишет Александр Бараш, в своей работе он руководствовался тем, что цель перевода – «создание на родном языке органичного,

но еще не существовавшего стихотворения, проявление новых возможностей внутри нашего сознания – повторяя путь, пройденный иным, но близким поэтом, писавшим на другом языке».

Содержание

Дан Пагис	6
Конец анкеты	6
Свидетельские показания	8
Написано карандашом в запечатанном вагоне	9
Из цикла «Мозг»	10
Ein leben	12
Итог	13
Встреча	14
Диббук1	15
Смешной вопрос	16
Поиск	17
Домой	18
Где	19
Прятки	20
Речевая проблема	21
Выйдет легко	22
Планирование	24
Сувенир	25
Ошибки	26
Спорт	27
Угощение	28
Чужие похороны	30
Из цикла «Отец»	31

(1)	31
(2)	31
(3)	32
Возвращение	32
Загадывание желаний	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Александр Бараш
Экология Иерусалима.
Избранные переводы
современной
израильской поэзии

Дан Пагис

Конец анкеты

Жилищные условия: номер галактики, номер звезды,
номер могилы.

Вы один (одна) или нет.

Какой вид травы растет наверху
и откуда (пример: из груди, из глаза, изо рта и т. д.)

Имеете право на апелляцию.

В пустом месте внизу – укажите,
как давно Вы проснулись, а также причины Вашего

удивления.

Свидетельские показания

Нет, нет: они совершенно точно
были людьми: форма, сапоги.
Как объяснить. Они были – по образу и подобию.

Я – был тенью.
У меня другой Создатель.

И он в своей милости не оставил во мне ничего, что
умрет.

И я бежал к нему, летел – невесомый, голубой,
примиренный, я бы даже сказал: извиняющийся:
дым к всесильному дыму
без тела и образа.

Написано карандашом в запечатанном вагоне

Здесь в этом эшелоне

я Ева

с сыном Авелем

Если увидите моего старшего сына

Каина сына Адама

скажите ему что я

Из цикла «Мозг»

1.

В темной ночи черепа
он вдруг обнаружил,
что – родился.
Тяжелый момент.

С тех пор он очень занят. Он думает,
что он думает, что —
и все время крутится:
где же выход?

Если б были какие-то вещи, в каком-то
мире – он бы, конечно, их очень любил.
Он бы дал им всем имена.
Например: мозг.
Это я: мозг: я – это он.

С того момента, как оказался в изгнании, ему кажется:
можно было найти точку покоя.

2.

Подозрение:
в мире черепа
кроме него самого – нет никого.

И тут же – еще одно подозрение:
толпа других сознаний закрыта в нем, как в тюрьме,
камеры переполнены.
Они откалываются от него, предают его изнутри,
окружают.

И он не знает, какое из зол
меньшее.

Ein leben

За несколько недель до смерти она стоит в рамке окна,
молодая женщина с элегантной перманентной завивкой,
о чем-то думает, смотрит на улицу,
на коричневой фотографии.

Снаружи смотрит на нее облако из середины дня
тридцать четвертого года, нечеткое, не сфокусированное,
но с ней навсегда. Изнутри
смотрю на нее я, мне четыре года, почти,

останавливаю свой мячик,
медленно выхожу из снимка и старею,
старею осторожно, тихо,
чтобы не испугать ее.

Итог

Наконец закончим морочить друг другу голову.
Поговорим прямо, по-человечески, глаза в глаза:
Родные и близкие, господа волки,
Что между нами, кроме кровной связи, а?

Встреча

Я левая рука.

Да что ты говоришь, а я правая,
кажется, мы уже встречались,
мы так похожи, ты в точности
моя противоположность.

Как, ты меня не помнишь?

Мы же вместе росли и любили
играть в войну, как в древности:
пять рыцарей справа, пять слева,
у всех шлемы из ногтей,
и битва (сейчас ты вспомнила?) всегда кончалась ничьей.

Потом мы выросли, сделали карьеру,

у каждой свои ногти,

царапины, уловки —

и вот в конце концов мы обе здесь,

сплетены красиво, как надо,

на животе нашего трупа. Какая встреча.

С этого момента будем жить вместе,

и даже создадим совместную фирму по выращиванию
ногтей

по меньшей мере на две-три недели.

Диббук¹

Уйди, выйди из меня, чего тебе надо?
Я вырвал тебя из горла,
вырезал из руки.
Это я, ты слышала, я.

Какого тебе в этой темноте? Уйди ты.
Я стер твою тень из своей тени.
Во всем мире нет места нам двоим.
Мне и мне.

¹ Злой дух (*иврит*; букв. «прилепление»), который вселяется в человека, овладевает его душой, но сохраняет при этом самостоятельность. – А. Б.

Смешной вопрос

Как рассеянный профессор, который позвонил себе домой и спросил: «Я здесь, где я должен быть?», так же позвонил я и спросил: «Я Дан, кто я должен быть?», и по рассеянности не почувствовал, что линия занята.

Поиск

Звонок в дверь. Меня уже нет дома.

Я вернусь завтра.

Звонок. Меня уже нет в городе.

Я вернусь послезавтра.

Меня уже нет,

вернусь после конца света.

Теперь они ломают дверь.

Глупо. Ведь я не собираюсь

рождаться вообще.

Домой

Ночь, и часы на руке отстают. Рука виновата. Я сижу на краю крыши и спрашиваю (кого?), как добраться. Это зависит от выбора: ползти или прыгать? Когда-то здесь были ступеньки, снаружи по стене, они шли со двора на крышу. От них еще осталась память, зигзаг штукатурки, только память. И значит, нет выхода: я должен спрыгнуть. Я повисаю поближе к стене, стараюсь втереться плечами в штукатурку, чтобы не упасть, и падаю.

На углу двора по-прежнему ждет колодец, квадратный, массивный, с железной крышкой. Сверху, на башне лютеранской церкви, парит лунный циферблат: он давно потерял веру в меня и отказался от двух стрелок. Я не знал, что настолько опоздал.

Теперь, когда все потеряно, на меня опустился покой. Колодец дремлет, железная крышка постукивает под напором тишины. Я осторожно поднимаю ее: в круге воды, совсем рядом, плавает лицо луны. Оно откуда-то мне знакомо. Если я погружусь в него, точно вспомню, откуда.

Где

Я спрятался в комнате, но забыл, где.

В шкафу меня нет.

И нет за занавеской.

Нет в большой крепости между ножками стола.

В зеркале пусто.

На секунду показалось, что я в картине на стене.

Однажды, если кто-нибудь придет и позовет,
я отвечу – и узнаю: вот я.

Прятки

На заднем дворе мира
мы играли, он и я.
Я закрыл глаза, прячясь:
раз, два, три,
ни спереди, ни сзади,
ни внутри.

С тех пор я ищу,
столько лет.
Что делать, если я тебя не найду.
Выходи уже, выходи,
ты видишь, я сдался.

Речевая проблема

Девушка, которую зовут Иврит,
дочь пожилых родителей из хорошей семьи.
И что же? Она очень легкомысленная,
каждый день новые увлечения.
Невозможно на нее положиться.
Ее слово – это не слово.
Она даже не красива: подростковые прыщи,
большие ноги. Крикливая
и упрямая как осел.
Но что еще хуже:
она не дает тому, кто хочет,
задушить ее дикий голос
и похоронить достойным образом
в гробнице праотцев.

Выйдет легко

«Наружу, наружу,
тужьтесь еще, еще,
ничего ему не поможет, выйдет легко»

Резкий воздух прорвался внутрь,
и взрывом вырвался обратно:
«Мама мама почему мама.»

Эту длинную жалобу он сократил
До одного звука:
Иииииии –

В бездонном мерзком пространстве, куда он попал,
нашлась первая опора,
наручники из пальцев на пятке:

акушерка подняла его головой вниз,
маленькие ручки в разные стороны,
перевернутое распятие.

Но вот, через бесконечное мгновение
пришел ангел, старый чиновник,
проверил номер удостоверения личности

и в великой милости, по обычному распорядку,

закрыл ему рот
и помог забыть.²

Теперь опять мягко и тепло, опять материнское лоно,
и откуда-то очень издалека он слышит
первую добрую фразу:

«Здоровый мальчик, и сколько у него сил!
Ревет как бычок,
в добрый час»

² Считается, что новорожденный наделен знанием о мире; в момент его появления на свет приходит ангел, который касается рта – и все забывается; но потом, при изучении Торы, человек вспоминает то, что на самом деле знал. (Трактат «Нидда» и дальнейшие комментарии. – А.Б.)

Планирование

На углу улицы Яркон разрушают дом. Морская соль разъела железные сухожилия. Он умер в возрасте пятидесяти двух лет. Рабочие начали, конечно, сверху, в направлении, обратном строительству. Уже при первых ударах молота открывается комната: у нее был цвет идеальной плоти, розовый как у двадцатилетних. Две или три проститутки стоят на улице в утренней скуке. Средиземное море развалилось напротив, лениво вылизывает себя. Только один серьезный человек, видимо, строительный подрядчик, тщательно проверяет могилу, которую вскрывают у него на глазах, и видит новорожденного: здесь будет установлена стелла, квадратная, многоэтажная, в память о доме.

Сувенир

Город, в котором я родился, Радауц в Буковине, выбросил меня, когда мне было десять лет. В тот же день забыл меня, как мертвого, я тоже забыл о нем. Так было спокойнее нам обоим.

Вчера, через сорок лет, он прислал кое-что на память, будто заботливая родственница, проявляющая внимание по причине кровных связей. Новый снимок, последний зимний портрет. Повозка с балдахином ждет во дворе. Конь понурил морду и смотрит с симпатией на старца, запирающего какие-то ворота. Итак, похороны. Двое остались в Хевра Кадиша³: могильщик и лошадь.

Но похороны роскошные: вокруг, на сильном ветру, собираются тысячи снежинок, каждая со своим кристаллическим рисунком. До сих пор страстное желание быть особенной, до сих пор те же иллюзии. При этом у каждой, у всех один и тот же костяк: шесть концов, Звезда Давида, на самом деле. Через секунду они растают, слипнутся, превратятся в комья, просто в снег. Среди них мой старый город приготовил могилу и мне.

³ Похоронное общество. – А.Б.

Ошибки

Ты думаешь, я пришел наконец – а это
всего лишь первая волна зимнего дождя.

Ты думаешь, вот новая печаль – а это
всего лишь белая стена – как всегда.

Это извивы искушения – думаешь ты,
а это лишь бумажный змей.

Ты думаешь – одиночный выстрел,
а это сквозняк хлопнул дверью.

Ты думаешь – это я,
а это только я.

Спорт

Плывать я не учился. Однако на небольшой глубине, на границе водорослей еще как-то получается держаться на воде. Даже большая волна превращается у меня в руках в спасательный круг. Но почему?

Ведь для плавания мне не нужна вода. На самом деле, только дома проявляются мои способности отличного пловца. Кроль или брасс или баттерфляй – любой стиль: Я скольжу как угорь между кухней и ванной,

и побиваю все собственные рекорды,
и выигрываю кубок, и медленно цежу бренди.
Но что это? Хорошее во мне просыпается,
начинает приставать, поднимается и воет:

это наглость жить и плавать среди утопающих,
и еще устраивать из этого спорт? Как ты мог!
Оно право: пора возвращаться. Я бегу к радио,
ныряю в волны новостей, и тону.

Угощение

Неожиданный гость в моей студенческой квартире: отец, а у меня ничего нет дома, никакого угощения. «Я поехал в Бюро по торговле, но оно закрыто, и я вспомнил, что ты сейчас живешь поблизости оттуда, и заскочил. Я не мешаю?» В последние месяцы он, кажется, еще пополнел. Рубашка подмышками в пятнах пота, и действительно, сегодня в Иерусалиме жарко и влажно, больше, чем обычно. Ему когда-нибудь приходило в голову, что я его люблю? Он садится на кровать, кладет полиэтиленовый пакет на колени, достает из него коробку для конфет (сладости мне принес?), стягивает с нее скрученную резинку (я всегда ненавидел резинки) и снимает крышку: «Ты помнишь, Данеле, мы искали фотографии, которые мама мне послала, когда тебе было четыре года, за месяц до ее смерти? Я нашел их в шкафу. Здесь тебе, наверно, пять лет, очень милый, в русской рубашке. И, Данеле, у меня тут отчет, который я должен завтра сдать в бюро. Можешь проверить иврит?» «Жалко, нечем тебя угостить», говорю я (что я делаю, извиняюсь?), «Я только позавчера сюда переехал, и шкаф еще пустой». Он смеется приятным смехом, который сохраняет для шуток. «Ничего, есть вода. Как говорят у нас в высшем обществе? Бокал Аква-де-Кран». И уже подходит к раковине в углу комнаты. «Папа, я все-таки сбегая в лавку принести что-нибудь, секунду». Ко-

гда я закрываю дверь, он, конечно же, говорит: «Правда, не надо».

На улице пусто. Рядом со мной ковыляет только растрепанный пес, которого я откуда-то помню. В конце улицы он поворачивает ко мне голову и говорит: «Опять ты сдался. Ведь отец приехал не предупредив, можно было и без угощения, и вообще, эти попытки понять, когда все уже потеряно... Был бы у тебя характер, цены бы тебе не было, как говорят у нас собаки в квартале». Поскольку я не нахожу подходящего ответа, он покидает меня и исчезает за мусорными баками. Когда я добираюсь наконец до лавки, она оказывается закрытой, железные ставни опущены. Как я забыл, ведь сегодня День памяти. Праздник. Даже легкое угощение невозможно купить. И вот, чтобы не возвращаться с пустыми руками, я наклоняюсь и начинаю собирать камешки по краям дороги. Уже поздно, папа, наверное, отчаялся и ушел. Но не все потеряно: эти камешки я положу на могильную плиту⁴ и еще успею сказать кадиш по нам обоим.

⁴ Еврейская традиция: «...присутствовавшие на погребении, уходя с кладбища, кладут камень на могильный холм и просят у умершего прощения за все минуты боли и обиды, которые они ему причинили.» <http://www.machanaim.org/yearround/traur/traur5.htm>

Чужие похороны

Мне случилось здесь оказаться, папа, на твоём большом кладбище: умер отец какого-то приятеля – мы с ним не были знакомы – и я пришел на похороны. В объявлении сказано, как всегда: встречаемся у входных ворот. Я пришел раньше на целый час, чтобы навестить тебя. Я снаряжен запиской с твоим адресом – сектор, ряд, номер могилы. Как добраться? На воротах мне сказали: направо, еще раз направо, вперед и налево, и где-то там. Я энергично шагаю к цитадели своих желаний.

Но что это? Здесь нет никакой логики, после сектора десять идет сектор двадцать шесть, а за ним сектор девять. Я вижу издали кого-то живого и спрашиваю: простите, где сектор двадцать пять? Он разводит руками, что-то вроде вежливого отчания: он здесь тоже новичок.

Уже мало времени, сколько же у нас останется. Правильно, я пришел не только ради тебя, поймал автостоп чьих-то похорон, ну и что? Ты сразу должен отомстить, спрятаться, дать мне запутаться (теперь уже бегом) среди всех этих имен?

Я окликаю тебя во весь голос: «До свиданья, папа!» Ты уж меня услышишь со своего места. Я должен сейчас вернуться к воротам, к чужому покойнику, которого легко найти.

Из цикла «Отец»

(1)

«Так что, Данеле»

«Так что, Данеле ты собираешься все это записать, и напечатать? Пиши, пиши, не стесняйся. Если кто-нибудь случайно и прочитает, все равно не поверит. Главное, чтобы ты сам во все это верил. » «Ты не понял своего отца, – сказал мне грузный человек, партнер отца по картам, – совсем его не понял. Ты на него похож, но только снаружи, прости за откровенность». Я раздражаюсь: «Ну и что с этим делать? Он должен ожить – чтобы я его понял?» «Нет, нет, – сказал партнер по картам, – это ты должен ожить. Но, прости за откровенность, у тебя на это мало шансов».

(2)

Твое имя

«Твое имя? Какое из них, если не возражаешь? Имя, которое я дал тебе (хорошо, собственно, не я, тетя Цили предложила его), это звенящее латинское имя ты стер, когда приехал в Израиль. Выбрал самое стандартное: Дан. У меня не

было никаких возражений. Я понимал, что ты хочешь исчезнуть в Израиле, просто впитаться, как вода в песок. Как говорится, меняешь имя – меняешь судьбу, да? Но я тебе благодарен, что ты не поменял заодно и нашу фамилию. Ты меня понимаешь?» «Нет, папа».

(3)

Над отцом не смеются

Чего я от него хочу? Самое строгое, что он мне сказал за тридцать пять лет с того времени, как я приехал в Израиль, было в первую неделю после приезда. Мы сидели с его второй женой за завтраком и он спросил (еще по-немецки, с русским акцентом, иврита я не знал), остались ли семейные фотографии, после того, как у меня украли все вещи по дороге в Израиль. Я засмеялся. «Еще фотографии мне не хватало? Я сам с трудом уцелел». И тогда он тихо сказал: «Не смеяться над отцом» – и меня поразило, что он говорил о себе в третьем лице, по-видимому, подчеркивал свой статус и давал понять, что речь идет о более общих вещах. Над отцом не смеются. Я тут же замкнулся в себе. И с тех пор ничего – ведь я не давал ему никакого повода.

Возвращение

По дороге, в случайном месте, я вижу, что выпал из себя

и побежал назад. Я остался стоять, немного удивленный, а теперь поворачиваюсь и гонюсь за собой. Я постарел, спотыкаюсь, сердце бьет как кулак, и меня от меня отделяет уже большое расстояние: там я возвращаюсь в зеленое утро, домой, все уменьшаюсь и горизонт уже пуст. Так что ж я стою здесь и задыхаюсь? Я тоже поворачиваюсь к себе спиной и иду, новый и радостный.

Загадывание желаний

Я расстратил много падающих звезд не загадав желания. Эти острые фейерверки неожиданности... Я не был готов к себе. Потом подыскал фонтан и с шепотом бросил монетку в воду; но ее тут же поглотило скопище монет, которые бросили другие. Теперь я эффективен. Я пишу, припечатываю и засовываю записку в Стену Плача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.